Куриный бульон для души. 101 история для мам. О радости, вдохновении и счастье материнства

Автор:
Джек Хансен

Куриный бульон для души. 101 история для мам. О радости, вдохновении и счастье материнства

Дженнифер Рид Хоуторн

Марси Шимофф

Марк Виктор Хансен

Джек Кэнфилд

Куриный бульон для души

Это сборник реальных историй о самом чудесном и важном предназначении женщины – быть матерью. Эти истории вдохновят, поддержат и придадут сил, которые так нужны молодым мамам! В день, когда Синди была слишком занята, ее дочь сказала ей нечто важное. Шерон родила не похожего на других ребенка, но он оказался идеальным. Дочка Марши узнала о смешивании цветов от слепой подруги. После смерти родителей Линда узнала, что была усыновленным ребенком. Она чувствовала себя обманутой, но судьба сделала ей настоящий подарок… И другие 97 трогательных историй, от которых вы не сможете оторваться.

Джек Кэнфилд, Марк Виктор Хансен, Марси Шимофф, Дженнифер Рид Хоуторн

Куриный бульон для души. 101 история для мам. О радости, вдохновении и счастье материнства

© Кваша Е.А., перевод на русский язык, 2018

© Сорокина О.П., перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Отзывы о книге «Куриный бульон для души. 101 история для мам»

«Лучший подарок для “Мамочек” – это знать, что мы не одиноки! “Куриный бульон для души. 101 история для мам” делает нам такой подарок, напоминая об истинном значении материнства и уважении к нему».

Мэрилин Кетц и Кэрил Кристенсен. Актрисы ситкома «Мамочки»

«Эта теплая, трогательная книга заставляет плакать и смеяться от радости за то, что мы – женщины».

Ким Алексис. модель/спикер

«Спасибо за истории, которые описывают утонченную красоту любви между матерью и ребенком. Вы напоминаете нам о том, что по-настоящему важно в жизни».

Сьюзан Н. Хикенлупер. исполнительный директор, официальный спонсор American Mothers, Inc. Mother’s Day и Mother of the Year®

«Какое же счастье – сидеть и читать “Куриный бульон для души. 101 история для мам”! Все эти истории так сильны, трогательны и полны жизни. В каждой описывается глубина и сила любви между матерью и ребенком».

Элисон Швандт. организатор, Gymboree

«”Куриный бульон для души. 101 история для мам” заставит вас смеяться и плакать; как ни одна другая, эта книга согреет ваше сердце, потому что в ней рассказывается о самых драгоценных отношениях… связывающих мать и дитя».

Энн Джордан. глава Children & Families, Inc.

«Что бы я ни делала в жизни, мое главное достижение в том, что я стала мамой двух дочек и двух сыновей. Каждый раз, читая истории из этой книги, я смеюсь и плачу, окутанная теплыми, чудесными воспоминаниями, греющими мое сердце так, что оно готово взорваться».

Патриция Лоренц. писатель, лектор, автор книг «Важные вещи для родителей-одиночек» и «365 повседневных молитв для родителей»

«“Куриный бульон для души. 101 история для мам” – это трогательное напоминание о радостях и жертвах материнства; это невероятное благословение, данное нам любящими мамами со всех уголков света».

преподобная Мелисса Бауэрс

«В историях “Куриного бульона” великолепно передается нежная, глубокая гармония между матерью и ребенком, которая начинается до рождения и

продолжается всю жизнь.

доктор Мелани Браун, глава и основатель My Baby U., Inc.

«Бабушки тоже обнаружат, что эта книга по-настоящему славит их вечную роль. Здесь найдется вдохновение для всех, кто был матерью или у кого она когда-либо была».

доктор Лилиан Карсон, автор книги «Жизненно необходимые бабушки и дедушки: как делать добро»

«“Куриный бульон: 101 история для мам” – это доказательство существования на земле самой драгоценной и могущественной силы – любви между матерью и ее детьми. Эти нежные истории трогают сердце и согревают душу так, как умеет только мама».

Каран Ирер, сертифицированный наставник в родах

Посвящение мамам

Твои нежные наставления безмерно повлияли на все, что я делал, на все, что я делаю, и на все, что я буду делать.

Твой добрый дух оставил неизгладимый отпечаток на всем, кем бы я ни был когда-то, кем бы ни являлся сейчас и кем бы ни стал в будущем.

А значит, ты – часть всего, чего я достиг, и всего, кем я стал.

Когда я протягиваю руку ближнему, твоя рука тянется вместе с моей.

Когда я облегчаю боль подруги, она должна благодарить тебя.

Когда я словами или своим примером учу ребенка добру, ты тоже его учишь.

Потому что все мои дела отражают ценности, привитые тобой. Они во всех исправленных мною ошибках, во всех спасенных мною сердцах, и все мои дары и любая тяжесть, которую я смог облегчить, – все они посвящаются тебе.

Потому что ты подарила мне жизнь и научила меня жить, ты – источник того добра, которое я смогу создать, пока буду жив.

За все, что – ты, за все, что – я, я благодарю тебя, Мама.

Дэвид Л. Уэзерфорд

Вступление

Эту книгу мы дарим вам, мамы всего мира. Мы хотели посвятить ее всем мамам на свете, но как отблагодарить вас за то, что вы подарили нам жизнь? Читая тысячи историй, отобранных для этой книги, мы были глубоко тронуты глубиной чувств, которые люди испытывают к своим матерям.

Многие рассказывали о жертвах, на которые матери шли ради них; другие писали о материнской храбрости. Третьи делились тем, как мамы вдохновляли и поощряли их. Но чаще всего люди говорили о вечной природе материнской любви.

Один из отрывков, попавших нам в руки, прекрасно раскрывает суть этой темы.

Однажды в спокойный, ясный, солнечный день из рая сбежал ангел. Явившись в наш старый мир, он пустился бродить по полям и лесам, городам и селам. Когда солнце село, он расправил крылья и сказал: «Мое путешествие завершено, и я возвращаюсь назад, в мир света. Но прежде чем я уйду, мне нужно взять что-нибудь на память».

Он взглянул на прекрасный цветущий сад и сказал: «Как прекрасны и ароматны эти цветы». Он сорвал самые редкие розы, составил букет и сказал: «Я не вижу ничего прекраснее и ароматнее их; я возьму их с собой».

Но потом он посмотрел дальше и увидел ясноглазого розовощекого малыша, который улыбался своей маме. И ангел промолвил: «О, улыбка этого ребенка прекраснее моего букета; я возьму с собой и ее».

А потом он взглянул на колыбель и увидел материнскую любовь, которая, струилась к кроватке и ребенку, как бурный поток. И ангел сказал: «О, любовь этой матери – самое прекрасное, что я видел на земле; я возьму с собой и ее».

С этими тремя сокровищами он полетел обратно к жемчужным вратам, встал у них и сказал: «Прежде чем войти внутрь, я хочу снова посмотреть на свои сокровища». Он посмотрел на цветы и увидел, что те поникли. Он посмотрел на улыбку ребенка и увидел, что та угасла. Он посмотрел на материнскую любовь и увидел, что красота ее нисколько не померкла.

Он отбросил увядшие цветы и потухшую улыбку и, влетев во врата, созвал всех хозяев рая и сказал: «Вот вещь, сохранившая свою красоту до самого рая, – это любовь матери».

С любовью в сердце мы предлагаем вам «Куриный бульон для души. 101 история для мам». Мы надеемся, что, читая эту книгу, вы испытаете любовь, радость и вдохновение. Пусть она тронет ваше сердце и всколыхнет ваш дух.

Джек Кэнфилд,

Марк Виктор Хансен,

Дженнифер Рид Хоуторн

и Марси Шимофф

Глава 1. О любви

Любовь – это плод, который поспевает в любое время и до которого может дотянуться любая рука.

Мать Тереза

Вывоз детей

Для материнской любви нет невозможного.

Пэддок

26 апреля 1975 года мы с моей подругой Кэрол Дэй ехали по пыльным улицам Сайгона в скрипучем «фольксваген-жуке», и мне казалось, что с виду мы ровно те, кто есть на самом деле: парочка мамаш из Айовы. Когда мы с Кэрол три месяца назад согласились сопровождать троих вьетнамских сироток в их американские семьи, эта поездка выглядела интересной, но безопасной. Мы с мужем Марком и сами подали заявку, чтобы усыновить сироту. Нам хотелось творить добро. Откуда же нам с Кэрол было знать, что к нашему приезду Сайгон окажется в осаде?

Бомбы падали ближе, чем в трех милях от города, и даже тогда мирные жители потоком шли мимо нашей машины, таща все свои пожитки на тачках или у себя на спине. Но наш водитель, Шери Кларк, директор международной организации «Друзья детей Вьетнама» («ДДВ»), имела скорее восторженный, чем напуганный вид. Не успели мы приземлиться, как она осыпала нас новостями:

– Вы слыхали, что президент Форд одобрил масштабный вывоз детей как крайнюю меру их спасения? Вы повезете домой двести сироток!

Мы с Кэрол изумленно переглянулись.

– Вчера мы смогли вывезти полный самолет детей, – продолжила Шери. – В последнюю минуту вьетнамское правительство отказалось выпускать его, но пилот уже был готов к взлету, поэтому он просто взял и улетел! Сто пятьдесят детей теперь находятся в безопасности в Сан-Франциско!

Даже проработав много лет медсестрами, мы не были готовы к тому, что увидим в центре ДДВ. Каждый дюйм на нескольких этажах роскошного французского особняка был укрыт пледами или циновками – и на каждом из них лежали дети: сотни плачущих, агукающих младенцев, чьи родители бросили их или погибли.

Смена часовых поясов далась нам нелегко, но мы с Кэрол решительно стали готовить детей к воздушной транспортировке, запланированной на следующий день. Наш самолет должен был вылететь первым. Каждому ребенку требовались одежда и пеленки, осмотр и официальное имя. Верные волонтеры из Америки и Вьетнама работали круглые сутки.

На следующее утро мы узнали, что нашему агентству не разрешили лететь первыми в отместку за несанкционированный вылет накануне. Нам позволят лететь только тогда – и только в том случае, – когда это допустит вьетнамское правительство.

– Остается только ждать и молиться, – спокойно сказала Шери.

Мы все знали, что для американцев и сирот в Сайгоне время уже на исходе.

Мы с Кэрол присоединились к остальным волонтерам, которые в спешке готовили детей к другому, одобренному рейсу – он отправлялся в Австралию.

На палящей жаре мы погрузили детей в фургон «фольксваген», из которого убрали среднее сиденье. Я сидела на многоместном сиденье и везла у своих ног двадцать одного ребенка; остальные ехали точно так же.

Мы прибыли в аэропорт и увидели, что движение застопорилось. В небо вздымалось огромное черное облако. Заходя в ворота, мы услышали ужасную новость: первый самолет с сиротами – тот, на который мы умоляли пустить нас, – рухнул после взлета.

Этого просто не могло быть. Мы решили не верить. Нам некогда было волноваться, пока мы загружали хнычущих обезвоженных детей в самолет, который полетит к свободе. Пока самолет взлетал, мы с Кэрол стояли, держась за руки. Когда они улетели, мы пустились в пляс на площадке перед ангаром. Один самолет свободен!

Наша радость была недолгой. Мы вернулись и обнаружили, что взрослые в нашем центре раздавлены горем. Шери сбивчиво подтвердила новость, которой мы отказались верить. Сотни малышей и их сопровождающие погибли, когда самолет взорвался после взлета. Неизвестно, сбили ли его или в него попала бомба.

Миротворцы и младенцы! Кто способен сделать такое? И сделают ли это снова? В отчаянии я села на ротанговый диван и не смогла сдержать рыданий. Самолет, на который мы с боем пытались попасть, рухнул, и то же стало с моей верой. Меня настигло ужасное чувство, что я больше никогда не увижу мужа и дочек.

В тот вечер Шери подозвала меня к себе. Даже после ужасного потрясения я оказалась не готова к ее словам:

– У тебя в портфеле документы на усыновление. Хочешь пойти и выбрать себе сына, вместо того чтобы ждать, когда кто-то выберет его за тебя?

Казалось, что в один день сбылись и мои худшие страхи, и самые заветные желания. Как же обрадуются дочки, если я вернусь домой с братиком для них! Но… как же мне выбрать ребенка? С молитвой на губах я вошла в соседнюю комнату.

Я бродила среди моря детей, когда ко мне подполз малыш в одном лишь подгузнике. Я взяла его на руки, а он положил головку мне на плечо и будто бы обнял меня в ответ. Я носила его по комнате, рассматривая и трогая каждого ребенка. Зал наверху был точно так же забит детьми. Когда я стала молиться о решении, которое собиралась принять, малыш на моих руках как будто

прижался ко мне крепче. Я чувствовала его легкое дыхание, когда он обнимал меня за шею и обосновывался в моем сердце.

– Здравствуй, Митчелл, – прошептала я ему. – Я – твоя мама.

Самолет, на который мы с боем пытались попасть, рухнул, и то же стало с моей верой.

На следующий день мы узнали хорошие новости: нашему самолету разрешили взлететь днем. Общими усилиями волонтеры собрали оставшихся сто пятьдесят детей.

Для первой из нескольких предстоящих поездок в аэропорт малышей располагали по трое-четверо на сиденье списанного городского автобуса; Кэрол и я поехали с ними. И вновь случилась катастрофа. Прибыв в аэропорт, мы узнали, что президент Вьетнама Тхьеу отменил наш рейс. Стараясь не паниковать, мы на удушающей жаре помогали высаживать детей в грязные куонсетские ангары. Неужели мы никогда не выберемся отсюда? Неужели мы все умрем в осажденном Сайгоне?

Наконец Росс, работник ДДВ, ворвался внутрь.

– Президент Тхьеу дал разрешение только на один рейс, и он отправляется немедленно. Грузим детей – и вы летите тоже! – сказал он мне и Кэрол.

У нас появился шанс выбраться!

– Нет, – ответила я. – Я оставила сына в центре ждать следующего автобуса. Мне нужно вернуться за ним.

– Лиэнн, – сказал Росс, – ты же видишь, что происходит. Улетай, пока можешь. Я обещаю, что мы постараемся отправить сына к тебе как можно скорее.

Да, я видела, что происходит.

– Я не уеду без Митчелла!

– Тогда поторопись, – произнес Росс. – Я задержу самолет на столько, на сколько смогу, но нам нельзя лишать этих детей их шанса.

Я побежала к автобусу. Водитель безрассудно пронесся по городу, погрузившемуся в хаос, и высадил меня за милю до нашего центра. Ремешок на моей сандалии лопнул, и обувь яростно колотила меня по лодыжке. Я сняла ее на бегу. В боку страшно кололо, пока я мчалась по лестнице в наш центр.

– Самолет… – только и смогла выдохнуть я.

Шери усадила меня в кресло:

– Знаю. Я только что говорила с аэропортом.

– И что?

Шери ухмыльнулась:

– Самолет тебя дождется!

Я просияла, пытаясь отдышаться.

– Но это еще не все новости: на этот рейс можно взять больше детей, и второму самолету тоже разрешили вылет!

По моему лицу потекли слезы, я отыскала Митчелла и крепко прижала его к себе. Я молча поклялась никогда больше не оставлять его.

Мое сердце бешено колотилось, когда через несколько часов я оказалась в выпотрошенном грузовом самолете. По центру его в ряд стояли двадцать картонных коробок, в каждой из которых лежали по два-три младенца. Другие дети, постарше, сидели, пристегнутые ремнями, на длинных боковых скамьях. На их лицах было написано замешательство.

Двери закрылись; мотор оглушительно заревел.

Я не могла перестать думать об облаке черного дыма от упавшего самолета. Нахлынула паника, и я покрепче прижала к себе Митчелла. Пока самолет выруливал на взлетную полосу, я читала «Отче наш». Затем… мы взмыли в воздух. Продержаться бы пять минут, и тогда мы сможем добраться до дома.

Наконец капитан сказал:

– Мы покинули зону артобстрела. Мы в безопасности. Летим домой!

В самолете раздались радостные возгласы.

Думая о хаосе войны, я молилась за тех, кого мы оставили позади. А потом поблагодарила Бога за то, что мы с Кэрол смогли сотворить столько добра, сколько даже не могли себе представить. Нас всех ждала жизнь, полная надежды, – в том числе и сына, который у меня только что появился.

Лиэнн Тайман,

записано Шарон Линнея

Сюрприз для мамы

В Рождество в доме наших родителей царила радостная атмосфера и уют. В воздухе витали ароматы печеной индейки, окорока в меду и домашнего хлеба. Повсюду стояли столы и стулья, на которых могли расположиться малыши, подростки, родители и дедушки с бабушками. Каждая комната была красиво украшена. Члены нашей семьи никогда не упускали возможности встретить Рождество в доме у родителей.

Только в этом году все изменилось. Наш отец скончался 26 ноября, и это было первое Рождество, которое мы справляли без него. Мама старательно изображала приветливую хозяйку, но я видела, как тяжело ей это дается. Ком

подкатывал к моему горлу, и я снова и снова спрашивала себя, стоит ли вручать ей заготовленный подарок или в отсутствие папы подарок придется некстати.

Несколькими месяцами раньше я накладывала последние штрихи на портреты родителей, которые нарисовала сама. Я собиралась преподнести их на Рождество. Никто бы этого не ожидал – ведь я никогда всерьез не занималась живописью. Мне просто вдруг очень сильно захотелось это сделать. Портреты вышли похожими, но я все же не была уверена в своем мастерстве.

Однажды от рисования меня отвлек внезапный звонок в дверь. Я быстро спрятала инструменты и пошла открывать. Удивительно, но отец приехал один – раньше он никогда не навещал меня без мамы. Он сказал, улыбаясь:

– Я скучал по нашим утренним беседам. По тем, что мы вели, пока ты не ушла от меня к другому мужчине!

Я недавно вышла замуж. А еще я была единственной девочкой и любимицей всей семьи.

Мне тут же захотелось показать ему картины, но жалко было портить рождественский сюрприз. И все же что-то заставило меня поделиться с ним. Взяв с него клятву держать все в секрете, я велела ему закрыть глаза и не открывать, пока я не поставлю портреты на мольберты.

– Ну, папочка, теперь можно смотреть!

Он промолчал, но выглядел изумленным. Он встал, чтобы рассмотреть их поближе. Затем отошел подальше, чтобы взглянуть издали. Я старалась сдержать волнение. Наконец он тихо сказал, пустив слезу:

– Невероятно. Глаза как будто настоящие – они словно следят за тобой, – и посмотри, какая красивая у тебя мама. Можно мне повесить их на стену?

Пораженная его ответом, я с радостью вызвалась завтра же завезти картины в багетную мастерскую.

Прошло несколько недель. Одной ноябрьской ночью зазвонил телефон, и мороз подернул мою кожу. Я подняла трубку, и мой муж, врач, сказал:

– Я в приемной скорой помощи. У твоего отца был инсульт. Состояние тяжелое, но он еще жив.

Папа пробыл в коме несколько дней. Я навестила его в больнице за день до смерти. Я взяла его руку в свою и спросила:

– Папа, ты узнаешь меня?

К всеобщему удивлению, он прошептал:

– Ты – моя милая доченька.

Папа умер на следующий день, и в ту минуту радость словно покинула нашу с мамой жизнь.

Позже я все-таки вспомнила о багетной мастерской и поблагодарила Бога за то, что отцу выдался шанс увидеть мои картины перед смертью. Я удивилась, когда мастер сказал, что отец заходил к ним, заплатил за рамы и заказал подарочную упаковку. Убитая горем, я уже и не думала дарить маме эти портреты.

На рождество мы все равно решили собраться все вместе. Увидев печальные глаза и грустное лицо мамы, я решила вручить ей наш с папой подарок. Она неохотно сняла упаковочную бумагу. Внутри оказалась небольшая открытка, прикрепленная к картинам.

Когда мама увидела портреты и прочитала открытку, ее настроение совершенно переменилось. Она вскочила со стула, вручила мне открытку и велела моим братьям повесить картины над камином, лицом друг к другу. Она сделала шаг назад и долго смотрела на них. Со сверкающими слезами на глазах и широкой улыбкой она быстро повернулась к нам и сказала:

– Я знала, что папа будет с нами в Рождество!

Я опустила взгляд на открытку, подписанную моим отцом. «Наша дочь напомнила мне о том, как я счастлив. Я всегда буду любоваться тобой. Папа».

Сара А. Риверс

День матери

Двадцать шесть лет назад мы с моим армейским приятелем Дэном загрузили его «корвет-427» цвета «голубой металлик» сумками-холодильниками, укороченными джинсами и футболками. Военная полиция проводила нас угрюмыми взглядами, когда мы выехали в главные ворота Форта-Макклеллана. У нас была увольнительная и полные карманы новеньких хрустящих долларов, которые мы получили за неделю работы в летнем лагере армейского резерва. Мы направлялись во Флориду, забыв об армии. Придя в восторг от того, что наших имен не было в списке нарядов на эти выходные, мы решили, что нам нужен пляжный отдых – после четырех дней на сухом пайке, на протяжении которых мы кормили комаров в холмах восточной Алабамы.

Лагерь в том году открылся рано. Стоял восхитительный май. Опустив крышу и прибавив звук на магнитоле, мы примчались в Бирмингем и решили остановиться, чтобы поздравить по телефону наших мам с Днем матери, а потом продолжить путешествие на юг по трассе И-65.

Трубку взяла моя мама и сказала, что она только что вернулась из магазина. По ее расстроенному голосу я понял, что она ждала меня в гости по случаю своего праздника.

– Хорошего тебе путешествия и будь осторожен. Мы будем скучать, – сказала она.

Я сел обратно в машину и по кислому лицу Дэна догадался, что его точно так же мучает совесть. Затем мы быстро нашли выход – нужно отправить мамам по букету цветов.

Припарковавшись у цветочного магазина в южной части Бирмингема, мы нацарапали к каждому букету записку, которая должна была оправдать наше решение укатить на пляж, а не прибыть с визитом к нашим любимым стареньким мамам.

Продавец помогал маленькому мальчику, стоявшему перед нами, выбирать букет. Мы нервничали – нам хотелось поскорее расплатиться и пуститься в путь.

Пока продавец пробивал чек, мальчонка повернулся ко мне и поднял свой букет:

– Моей маме точно понравится. Это гвоздики. Мама всегда любила гвоздики. Я еще нарву к ним цветов из нашего сада, – добавил он, – а потом отнесу на кладбище.

Я посмотрел на продавца. Тот отвернулся и потянулся за носовым платком. Потом я посмотрел на Дэна. Мы проследили взглядом за маленьким мальчиком, который вышел из магазина со своим роскошным букетом и заполз на заднее сиденье машины отца.

– Ну что, парни, определились? – с трудом выдавил продавец.

– Думаю, да, – ответил Дэн.

Мы бросили свои записки в урну и молча пошли к машине.

– Я заберу тебя в воскресенье вечером, около пяти, – сказал Дэн, высаживая меня у родительского дома.

– Буду готов, – ответил я, с трудом вытаскивая рюкзак с заднего сиденья.

Флорида подождет.

Ники Сепсас

Как долго

Две дочки моей подруги Дебби уже учились в старших классах, когда она почувствовала, что чем-то заболевает. Дебби сходила к семейному врачу, который сообщил, что вирус гриппа обошел ее стороной, зато ее коснулся «вирус любви» – она была беременна.

Рождение Томми, здорового прекрасного сынишки, стало настоящим событием и праздником. Он был милым, умным, веселым ребенком.

Когда Томми было лет пять, они с Дебби ехали в местный торговый центр. Как это всегда бывает с детьми, ни с того ни с сего Томми спросил:

– Мама, сколько тебе было лет, когда я родился?

– Тридцать шесть, Томми. А что? – спросила Дебби, недоумевая, что это пришло ему на ум.

– Очень жаль! – ответил Томми.

– В каком это смысле? – поинтересовалась Дебби.

Глядя на нее глазами, полными любви, Томми сказал:

– Ты только подумай, как долго мы не были знакомы.

Элис Коллинз

Заколки

Когда мне было семь лет, я ненароком услышала, как мама говорит одной из подруг, что завтра ей исполняется тридцать. Тогда мне пришли в голову две

вещи: во-первых, я никогда раньше не думала, что у мамы бывает день рождения; а во-вторых, не помнила, чтобы она когда-то получала на него подарки.

Что ж, это было нетрудно исправить. Я пошла в свою комнату, открыла копилку и вытащила оттуда все свои деньги: двадцать пять центов. Это были карманные деньги, накопленные мной за пять месяцев. Я пошла в магазинчик за углом и сказала его владельцу, мистеру Сойеру, что хочу купить маме подарок на день рождения.

Он показал мне все, что можно было купить в его магазине на четвертак. У него было несколько керамических статуэток. Маме они бы понравились, но у нас дома было полно таких же, и именно мне приходилось стирать с них пыль раз в неделю. Нет, это не подойдет. Еще там были конфеты в маленьких коробочках. Мама болела диабетом, и я знала, что ей не подойдет такой подарок.

Наконец мистер Сойер положил на прилавок коробку заколок. У мамы были длинные черные волосы, и дважды в неделю она их мыла и накручивала на бигуди. Наутро, распустив волосы, она выглядела кинозвездой с длинными темными локонами, ниспадающими с плеч. Так что я решила: заколки будут самым лучшим подарком. Я дала мистеру Сойеру свои пять монеток по пять центов, а он передал мне заколки.

Я принесла коробочку домой и обернула ее яркой страницей из воскресного комикса (на упаковочную бумагу денег не осталось). На следующее утро, когда моя семья сидела за столом и завтракала, я подошла к маме, вручила ей свой сверток и сказала:

– С днем рождения, мама!

Несколько секунд мама сидела с удивленным видом, не проронив ни слова. Затем она разорвала бумагу. Добравшись до заколок, она заплакала.

После того случая маму каждый год осыпали подарками: моя сестра, братья, отец и я.

– Мама, прости! – извинилась я. – Я не хотела, чтобы ты плакала. Я просто хотела, чтобы у тебя был счастливый день рождения.

– Ох, милая, я счастлива! – ответила она.

Я посмотрела в ее глаза и увидела, что она улыбается сквозь слезы.

– Ты знаешь, это первый подарок на день рождения в моей жизни.

Потом она поцеловала меня в щеку и сказала:

– Спасибо, милая.

И она повернулась к моим сестре, братьям и отцу и сказала:

– Посмотрите! Линда сделала мне подарок!

Затем она помчалась в ванную, чтобы вымыть голову и накрутить бигуди с новыми заколками.

Когда она ушла, отец взглянул на меня и произнес:

– Линда, когда я был маленьким и жил на Диком Западе (папа всегда называл дом своего детства в горах Виргинии Диким Западом), мы не считали, что взрослым нужно дарить подарки на день рождения. Поздравляли только маленьких ребятишек. А семья твоей мамы была такая бедная, что у них и на это не было денег. Но сегодня я увидел, как твоя мама радуется, и решил, что отныне у нас все будет по-новому. Линда, я хочу сказать – ты создала прецедент.

И я действительно создала прецедент. После того случая маму каждый год осыпали подарками: моя сестра, братья, отец и я. И конечно, чем старше становились дети, чем больше мы зарабатывали, тем лучше становились подарки. К тому времени, как мне исполнилось двадцать пять, я подарила ей магнитофон, цветной телевизор и микроволновую печь.

На пятидесятый мамин день рождения мои братья, сестра и я скинулись и подарили ей нечто невероятное: кольцо с жемчужиной, обрамленной бриллиантами. Мой старший брат вручил ей этот подарок во время вечеринки в ее честь. Мама открыла бархатную коробочку и уставилась на кольцо, лежавшее внутри. Затем она улыбнулась, повернула коробочку так, чтобы гостям был виден подарок, и сказала: «Ну не чудо ли мои дети?»

Когда гости ушли, я осталась, чтобы навести порядок. Я мыла посуду на кухне, когда случайно подслушала разговор родителей в соседней комнате.

– Ну что ж, Полин, – сказал мой отец, – неплохое ты получила кольцо. Думаю, что это лучший твой подарок на день рождения.

Когда я услышала ее ответ, на моих глазах выступили слезы.

– Тед, – сказала она мягко, – это действительно чудесное кольцо, спору нет. Но знаешь, какой подарок был самым лучшим? Та коробочка заколок.

Линда Гудмен

Сожми мою руку, и я скажу, что люблю тебя

Помните, как в детстве вы падали и ушибались? Помните, что делала ваша мама, чтобы облегчить боль? Моя мама, ее звали Грейс Роуз, брала меня на руки, несла в кровать и целовала «чтобы не болело». Потом она садилась рядом со мной, держала меня за руку и говорила:

– Когда будет больно, сожми мою руку, и я скажу, что люблю тебя.

Я снова и снова сжимала ее руку, и каждый раз слышала:

– Мэри, я люблю тебя.

Я лучше всего помнила тот ритуал из детства, со словами: «Когда будет больно, сожми мою руку, и я скажу, что люблю тебя»

Иногда я притворялась, что мне больно, только чтобы снова разыграть с ней этот ритуал. Когда я стала старше, он немного изменился, но мама всегда находила способы облегчить мою боль и подарить радость, которая пронизывала все стороны моей жизни. В трудные дни, когда я училась в старших классах, она предлагала мне свой любимый шоколадный батончик «Херши» с миндалем. А в годы моей юности часто звонила, чтобы предложить устроить спонтанный пикник в парке Эстабрук, просто потому, что в Висконсине наступил теплый солнечный день. После каждого моего визита к родителям мама присылала записку с благодарностью, напоминая, как сильно она меня ценит.

Но все равно я лучше всего помнила тот ритуал из детства, со словами: «Когда будет больно, сожми мою руку, и я скажу, что люблю тебя».

Когда мне было почти сорок, однажды утром папа позвонил мне на работу. Он всегда всеми командовал, но тут я услышала смятение и панику в его голосе.

– Мэри, что-то случилось с твоей мамой, и я не знаю, что делать. Пожалуйста, приезжай как можно скорее.

За десять минут, которые я добиралась до дома родителей, меня переполнил ужас, ведь я не знала, что произошло с мамой. Когда я приехала, отец ходил по кухне из угла в угол, а мама лежала на кровати. Ее глаза были закрыты, а руки сложены на животе. Я позвала ее, стараясь скрыть волнение в голосе:

Мы не знаем, когда наступит момент истины, но с кем бы я ни была в этот момент, я поделюсь с ним милым ритуалом моей мамы.

– Мама, я пришла.

– Мэри?

– Да, мама.

– Мэри, это ты?

– Да, мама, это я.

Я не была готова к следующему ее вопросу и не знала, что делать, когда она задала его.

– Мэри, я умру?

Я чуть не разрыдалась, глядя, как беспомощно лежит моя любящая мама.

И тут я подумала: А что бы сказала она?

Целую секунду, длившуюся вечность, я подбирала слова:

– Мама, я не знаю, умрешь ли ты. Но если тебе это нужно, ничего страшного. Я тебя люблю.

Она воскликнула:

– Мэри, мне так больно!

И снова я не знала, что сказать. Я села рядом с ней на кровать, взяла ее за руку и услышала, как говорю:

– Мама, когда будет больно, сожми мою руку, и я скажу, что люблю тебя.

Она сжала мою руку.

– Мама, я люблю тебя.

Мама много раз сжимала мою руку, и я много раз говорила, что люблю ее, в последующие два года, пока она не умерла от рака. Мы не знаем, когда наступит момент истины, но с кем бы я ни была в этот момент, я поделюсь с ним

милым ритуалом моей мамы.

«Когда будет больно, сожми мою руку, и я скажу, что люблю тебя».

Мэри Маркданте

Это наследственное

Молодая женщина по имени Мэри родила первенца, и поскольку ее муж был на военной службе, она провела пару недель после родов в доме своих родителей.

Однажды Мэри обмолвилась своей маме, что ее удивил рыжеватый цвет волос ребенка – ведь и она, и муж были блондинами.

– Ну как же, Мэри, – сказала ее мать, – ведь твой папа рыжеволосый.

– Но мама, – ответила Мэри, – какая разница, вы же меня удочерили.

С легкой улыбкой мама сказала самые приятные слова, которые ее дочь когда-либо слышала:

– Я все время об этом забываю.

Лучшее из журнала Bits & Pieces

Дитя родилось

Ввоскресенье незадолго до Дня благодарения мой прихожанин Ангус Макдоннел сказал, что у него родился внук, малыш Ангус Ларри. Он попросил меня

окрестить его. Совет нашей церкви остался недоволен этой просьбой, поскольку семья ребенка жила в другом штате. Церковь очень серьезно относится к поддержке тех, кого взяла под свое крыло.

Но желание Ангуса Макдоннела было важнее, и в следующее воскресенье малыш Ангус Ларри был окрещен в присутствии своих родителей Ларри и Шерри, дедушки Ангуса, бабушки Минни и многих других членов семьи.

В нашем приходе крещение традиционно проходит так: пастор спрашивает: «Кто стоит с этим ребенком?», и тогда вся родня малыша встает с мест и остаток церемонии проводит на ногах. Держа на руках Ангуса Ларри, я задал этот вопрос, и все его родственники встали на ноги.

Когда все поспешили из церкви домой доедать индейку, я отправился обратно в святилище, чтобы потушить свет. На передней скамье сидела женщина средних лет. Она будто не могла подобрать слова и долго не решалась поднять на меня глаза. Наконец она сказала, что ее зовут Милдред Кори, и похвалила славную церемонию крещения. Она вновь помолчала и добавила:

– Моя дочь Тина недавно родила ребенка. Его полагается крестить, верно?

Я предложил Тине и ее мужу позвонить мне и обсудить вместе все детали. Милдред вновь заколебалась, а затем, впервые не отводя взгляда, сказала:

– У Тины нет мужа. Ей всего восемнадцать, и ее причастили в этой церкви четыре года назад. Она вступила в молодежное содружество, но потом стала встречаться с тем мальчишкой, которого исключили из школы… – Теперь ее речь лилась потоком: – …она забеременела и решила оставить ребенка, и она хочет крестить его здесь, в своей церкви. Но она боится прийти и поговорить с вами, святой отец. Она назвала сына Джеймсом, Джимми.

В любви нет страха, но безусловная любовь прогоняет страх.

Я сказал, что передам их просьбу в совет церкви на утверждение.

Когда речь об этом зашла на следующем собрании, я рассказал то, что и так уже всем было известно: Тина была прихожанкой и незамужней матерью и личность отца была неизвестна. Хотя, конечно, все знали, кто отец – город у нас был маленький.

Мне задали несколько вопросов, чтобы убедиться, что Тина возьмет на себя ответственность за крещение ребенка. Я отметил, что и она, и маленький Джимми живут в нашем городе, где мы можем их поддерживать.

Мы все представляли себе неприятную картину: Тина с подростковыми прыщами и всем прочим, маленький Джимми у нее на руках; отца давно и след простыл; и когда будет задан заветный вопрос, на ноги поднимется только Милдред Кори. Нам всем было больно об этом думать. Но совет разрешил провести крещение. Его назначили на последнее воскресенье поста.

Церковь в тот день была полна народу, как и всегда бывает перед Рождеством. К алтарю нервно, живо, улыбаясь только мне и немного дрожа, подошла Тина с месячным Джимми на руках.

Эта молодая мать была так одинока. Их с ребенком ждала непростая жизнь.

Я начал службу, а затем, отыскивая глазами Милдред Кори, задал свой вопрос: «Кто стоит с этим ребенком?» Я слегка кивнул Милдред, намекая, что ей нужно встать. Она медленно поднялась, глядя по сторонам, а затем ответила мне улыбкой.

Я перевел глаза обратно к молитвеннику. Я собирался задать Тине церемониальные вопросы для родителей, но тут заметил движение среди слушателей.

Поднялся Ангус Макдоннел и Минни вместе с ним. Затем встала еще одна пожилая пара. Затем учитель шестых классов в воскресной школе, молодая пара новых прихожан, и вскоре перед моим недоверчивым взором вся церковь стояла вместе с маленьким Джимми.

Тина плакала, Милдред Кори держалась за скамью, будто стоя на палубе качающегося корабля. В каком-то смысле так оно и было.

В утренней проповеди в тот день прозвучали несколько строк из Евангелие от Иоанна:

Господь даровал нам любовь, и мы называемся чадами Его… Никто не видел Бога никогда; если мы возлюбим друг друга, Господь будет с нами, и Его любовь будет в нас безусловна… В любви нет страха, но безусловная любовь прогоняет страх.

На той церемонии крещения старые слова ожили; они воплотились в жизнь, и все ощутили это.

Преподобный Майкл Линдвалл

Идеальный сын

Когда мне было двадцать шесть, я родила прекрасного сына: у Джорджа были черные волосы и зеленые глаза, обрамленные длиннющими ресницами. Он заговорил в девять месяцев, начал ходить в десять и научился кататься на лыжах, когда ему было два года. Он был моей радостью, и я не знала, что способна любить кого-то так, как любила его.

Как и все мамы, я часто думала о том, кем Джордж станет, когда вырастет. Может быть, инженером. Совершенно точно лыжником. Он был так умен, что ему нашлось место в школе для одаренных детей. Однажды, когда я хвасталась сыном перед подругой, она сказала:

– Хорошо, что Джордж оказался идеальным ребенком. А ты любила бы его, если бы он не был таким?

Ее вопрос заставил меня задуматься, но потом я забыла о нем – до следующего года.

Однажды, когда Джорджу было восемь лет, он проснулся и не смог разогнуть ступню. Он мог ходить, опираясь лишь на пятку. Пока мы водили его по врачам,

спазмы поднялись вверх по ноге и начали сковывать и вторую. Перебрав множество диагнозов, мы выяснили, что его поразила торсионная дистония – состояние, близкое к церебральному параличу. Он будет жить, но потеряет способность ходить, если вообще сможет контролировать большую часть мышц, сведенных болезненными непроизвольными спазмами.

Я возненавидела Бога – за то, что он по какой-то ошибке доверил мне ребенка-инвалида; себя – за то, что мои гены сделали моего сына больным; Джорджа – за то, что он такой кривой и скрюченный.

Мне было стыдно ходить с ним по улице: люди глазели и быстро отводили взгляд либо смотрели на нас с жалостью. Иногда мне самой не хотелось на него смотреть, чтобы не видеть его уродства. Я кричала, чтобы он выпрямился, чтобы скрыл свою беспомощность. Он улыбался и отвечал:

– Мама, я стараюсь.

Он больше не казался мне красивым: я видела его скрюченные ноги, руки, спину, пальцы. Я больше не хотела любить его, потому что боялась потерять. Я перестала мечтать о том, кем он станет, потому что он вообще мог не дожить до зрелого возраста. Я постоянно думала о том, что не смогу потанцевать с ним на его свадьбе.

Увидев, как Джордж своими искривленными ногами пытается стоять на любимом скейтборде, я почувствовала, как разбивается мое сердце. Я отняла у него скейтборд и убрала в шкаф, сказав, что достану «как-нибудь потом».

Я осознала, что Джордж учил меня; эта любовь была уроком.

Каждую ночь, когда мы читали перед сном, Джордж задавал мне один и тот же вопрос:

– Как думаешь, если мы очень сильно помолимся, я смогу ходить, когда проснусь?

– Нет, но я думаю, что нам все равно нужно помолиться.

– Но мама, дети зовут меня больным уродом и больше со мной не играют. У меня больше нет друзей. Я их ненавижу. Я ненавижу себя.

Мы испробовали все возможные лекарства, диеты и врачей. Я вступила в Общество медицинских исследований дистонии и основала Общество дистонии в Англии. Я посвятила жизнь тому, чтобы найти исцеление этой болезни. Я хотела, чтобы мой сын снова стал нормальным.

Понемногу, глядя на то, как спокойно Джордж относится к своей болезни, я смогла с ней смириться, но страх по-прежнему не давал мне ничего делать. Затем подруга затащила меня на групповую медитацию. Ежедневные практики помогли мне найти умиротворение.

До тех пор я чувствовала себя спокойно, только когда мне было легко жить; теперь же я испытывала такую сильную любовь, что даже не понимала, как такое возможно. Я осознала, что Джордж учил меня; эта любовь была уроком.

Тогда я поняла, что Джордж был и всегда будет самим собой – пусть немного скособоченным, непохожим на других детей, но все равно он – мой сын. Я перестала стесняться того, что он не может стоять ровно. Я приняла тот факт, что он не вырастет и не будет иметь тех же возможностей, что и все остальные. Но он будет спокойнее, целеустремленнее и смелее всех, кого я знала.

В конце концов лечение стабилизировало состояние Джорджа. Он не контролировал ноги и мог ходить только с костылями. Но он не забросил лыжи. Опираясь на лыжные палки, он несся с гор с неумолимым упорством, которое принесло ему место в параолимпийской команде США по лыжному спорту. Он не мог ходить, но это не мешало ему кататься на лыжах.

Когда Джорджу было восемнадцать, он смог выпрямить одну ногу. Он выбросил один костыль. Через месяц ему не понадобился и второй. Он хромал, но ходил без поддержки. Вскоре он навестил меня. Я стояла в дверях и смотрела, как ко мне идет высокий красавец.

– Привет, мама, – ухмыльнулся он. – Потанцуем?

Недавно я ходила на встречу выпускников и слушала, как все хвастаются успехами своих детей.

– Мой сын музыкант.

– Моя дочь стала врачом.

Когда очередь дошла до меня, я не могла сдержать гордости:

– Мой сын может ходить. И он идеален.

Шерон Дрю Морген

Большинство детей рождается лишь однажды

Еще до твоего зачатия я хотела тебя,

Еще до твоего рождения я любила тебя,

Еще до того, как ты пробыл здесь час, я бы умерла за тебя.

Это чудо любви.

Морин Хокинс

Мама всегда рядом, когда вы нуждаетесь в ней. Она помогает, защищает, слушает, советует и поддерживает вас физически и морально. Она дарит семье любовь двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю, пятьдесят две недели в году. Мне не забыть своей мамы как минимум за это, за те недолгие драгоценные годы, которые я имел счастье провести рядом с ней. Но словами не описать той жертвы, на которую она пошла ради меня, своего сынишки.

Большинство детей рождается лишь однажды. Я родился дважды – у одной и той же матери.

Мне было девятнадцать лет, и меня забирали в концентрационный лагерь вместе с большой группой евреев. Было ясно, что нам суждено умереть там. Внезапно моя мама выступила вперед и поменялась со мной местами. И хотя это было больше чем пятьдесят лет назад, я никогда не забуду ее последние слова и прощальный взгляд.

– Я прожила достаточно. Ты должен жить, потому что ты еще молод, – сказала она.

Большинство детей рождается лишь однажды. Я родился дважды – у одной и той же матери.

Джозеф С. Розенбаум

Три сестры

Когда мама умерла, папа решил избавиться от летнего домика.

– Приезжайте, девчонки, и берите все, что хотите, – сказал он нам.

Мы так и сделали.

Я забрала высокий письменный стол, за которым мама часто сидела у солнечного окна, сочиняя письма. Бет взяла картину, где был изображен летний домик. Эллен выбрала статуэтки лошадок, поскольку они с мамой обе любили верховую езду. Затем мы разложили старые письма, слайды и поблекшие фотографии – семейную историю – в дюжину коробок, и каждой из нас досталось по четыре штуки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/hansen_dzhek/kurinyy-bul-on-dlya-dushi-101-istoriya-dlya-mam-o-radosti-vdohnovenii-i-schast-e-materinstva

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити